

Осадные дворы Тульского кремля XVI – XVII вв.

Юрий ЕКИМОВ

В лето 7028 от сотворения мира (1520 г. от Р.Х.) повелением и заботами великого князя всея Руси Василия Ивановича «совершиша град камен на Туле и именоваша его по прежнему его имени град Тула, а река под ним Тула же» [1. С. 181]. Этой фразой завершается лаконичный цикл летописных сообщений, касающихся строительства Тульского кремля-крепости на южной окраине Московской Руси, которая дала начало нынешней Туле. Новая крепость, став центральным звеном Большой Засечной черты, первой регулярной линии обороны Российского государства, прикрывала собой одно из наиболее опасных направлений татарских набегов.

Период истории Тульского кремля, связанный с его сугубо военными оборонительными функциями охватывает не более 130 – 150 лет. Уже к середине XVII столетия южная граница Российского государства отодвигается почти на 400 вёрст в сторону Крыма, на линию Белгородской черты. К концу же века Тульский кремль вообще исключается из разряда действующих крепостей.

Каким был он, Тульский кремль, в начале своей истории? От того далёкого времени до сегодняшнего дня сохранились лишь его мощные стены и башни (все архитектурные сооружения, существующие сейчас на территории кремля, возникли только во второй половине XVIII – начале XX вв.). Судя же по письменным источникам, а это, прежде всего, две Писцовые книги 1587-89 гг. и 1685 г., в XVI – XVII вв. пространство внутри кремлёвских стен было достаточно плотно застроено. В последней четверти XVI столетия здесь, кроме двух храмов и «государева двора», находились 129 «осадных дворов» представителей светской и духовной власти, а также дворян и детей боярских (низший чин провинциального дворянства), имевших вотчины и поместья в пределах Тульского уезда. На большинстве из них в мирное время постоянно проживали т.н. «дворники», первойшей задачей которых было сбережение господского имущества. Сами же

хозяева усадеб укрывались за кремлёвскими стенами лишь в период военной опасности. Кроме осадных дворов, на территории крепости располагались 128 «осадных клетей» разного служилого и посадского люда (прежде всего, защитников крепости: стрельцов, пушкарей, затинщиков, воротников и т.д.), а также – многочисленных тульских священников [7. С. 1079-1085]. Через сто лет (к 1685 г.) в кремле оставалась уже лишь одна церковь, «Приказная и Губная избы, тюрьма, да сыскных дел застенков, да всяких чинов людей 72 двора, да 4 двора пустых, 27 мест пустых и того 107...»

При всей несомненной значимости той информации, которая заложена в письменных источниках, она, к сожалению, достаточно ограничена. Нетрудно заметить, что даже самая ранняя из Писцовых книг не содержит сведений, предшествующих концу 80-х гг. XVI в.: т.е. почти 70 лет кремлёвской истории, её начальный этап остаются для нас «белым пятном». Нет в них и информации о бытовых сторонах жизни обитателей кремля, характере их жилищ, строительной технике, занятиях и увлечениях, культуре и мировосприятии. Восполнить этот пробел и оживить сухие строки документов в известной степени помогает археология – «история, вооружённая лопатой».

Надо сказать, что кремль, начиная с 1935 г., неоднократно привлекал внимание археологов. Но, пожалуй, наиболее значительными по масштабам (было раскопано около 500 м² площади) и результатам стали исследования, проведённые в 1999-2000 гг. экспедицией Объединения «Тульский областной историко-архитектурный и литературный музей» в центральной части кремля, на месте бывшей колокольни Успенского собора, построенной в 1772-1776 гг. [3, 4]. В XVI – XVII вв., судя по упомянутым Писцовым книгам, на этом месте находились осадные дворы дворян и детей боярских.

В ходе раскопок и последующего анализа их результатов выяснилось, что культурный слой, т.е. та система напластований, которая сформировалась в процессе жизни и хозяйственной

деятельности человека, на месте колокольни складывался в течение примерно 180 лет. За это время *четырежды* происходила перепланировка данной территории, сопровождавшаяся в силу различных причин исчезновением одних сооружений и строительством других, изменением границ и размеров усадеб.

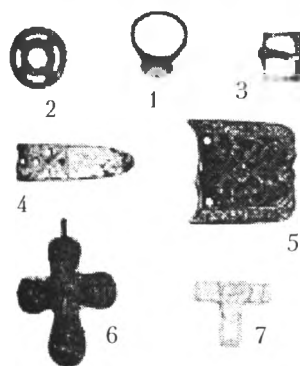
Исследования 1999-2000 гг. продемонстрировали потрясающую скупенность жилых и хозяйственных построек в пределах осадных дворов. Расстояние между одновременными сооружениями, особенно на ранних этапах, порой не превышало нескольких метров. Такая картина вполне объяснима, если учесть изначальную ограниченность территории, заключённой между кремлёвскими стенами. Вероятно, этим объясняется и вынужденное нарушение традиционно существовавших запретов, касавшихся строительства жилищ на местах стихийных бедствий: эпидемий, наводнений, пожаров и т.п. [1. С.37]. Неоднократно в процессе работ нам доводилось отмечать возведение новых построек на месте прежних сгоревших и разобранных сооружений.

Археологические изыскания на месте колокольни Успенского собора дали важную информацию о постройках и строительной технике XVI-XVII веков. Судя по ней, жилые сооружения в кремле были представлены двумя основными типами. Первый из них – «поземный» (наземный), скорее всего, одноэтажный дом, основной модульной единицей которого был деревянный сруб-клеть. Он рубился с выпуском концов («в обло») из брёвен диаметром 28-30 см и длиной 5,0-6,5 м. Такой приём был наиболее рационален в местах с холодными продолжительными зимами, поскольку углы с выступающими концами брёвен («с остатком») меньше промерзали [8. С. 182]. В одной из ранних построек удалось проследить разделение её внутреннего пространства рубленой капитальной стеной на два разновеликих помещения, большее из которых, судя по наличию в нём печи, было жилым, а меньшее, вероятнее всего, имело хозяйственный характер. Пол настился из широких (до 30 см) тёсаных топором досок толщиной в 5-7 см, которые опирались на бревенчатые лаги, лежавшие на расстоянии 1,10-1,20 м друг от друга. В ходе раскопок удалось проследить приём дополнительной гидроизоляции полов с помощью слоя бересты. Примерная площадь «поземных» домов варьировала от 30 до 40 м².

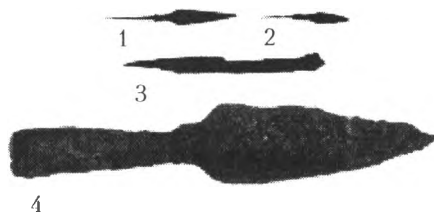
Второй тип жилых построек – двухэтажные сооружения, нижние этажи которых представляли собой глубокие (более 2,0 м) и просторные (площадью 25,0-33,0 м²) котлованы, вырытые в грунте и материковой глине. Их стены облицовывались деревом – срубом или вертикально стоявшими досками, зажатыми между горизонтальными брусками, которые в свою очередь крепились к угловым столбам. Такие подземные этажи имели автономный вход в виде тамбура с вырубленными в глине ступенями, облицованными деревом. Полы в них были дощатыми и настились в соответствии с традициями от входа к противоположной стене [8. С.166]. Потолок-перекрытие нижней части сооружения одновременно являлся полом верхнего этажа, который, скорее всего, располагался на одном уровне с наземными постройками. В одной из таких двухэтажных построек жилыми оказались оба этажа: на каждом из них в юго-восточном углу (одна над другой) располагались две печи. Верхняя в процессе разрушения постройки вместе с перекрытием рухнула в котлован нижнего этажа. В другом сооружении этого типа подземный этаж представлял собой обширное подполье сложной конструкции, использовавшееся исключительно для хранения продуктов и хозяйственной утвари. Жилым же в нём был только верхний, наземный этаж. Площадь наземных частей двухэтажных построек была не менее 45,0-60,0 м².

По сути своей, данный тип жилища представляет собой своеобразный вариант т.н. «избы на подклете» с той лишь разницей, что в классическом виде последняя является полностью наземным двухэтажным сооружением. В нашем же случае нижний этаж представляет практически землянку. За этим могут стоять два момента. Один из них – чисто функциональный: создать укрытие на случай военной опасности и обстрела крепости. Вероятно, не случайно отсутствие такого рода сооружений среди построек позднего этапа (середины – второй половины XVII в.), когда кремль фактически утратил своё военно-оборонительное значение. Второй момент – этнографический: тип жилой земляночной постройки традиционно был характерен для южно-русского населения [9. С. 153; 8. С. 164-165]. Вполне вероятно, что среди первых кремлёвских поселенцев были выходцы из южнорусских земель.

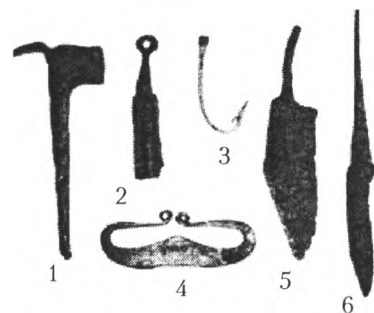
Неотъемлемым атрибутом каждой жилой постройки была печь, служившая и для обогрева

Детали одежды, ювелирные и культовые изделия с территории осадных дворов XVI-XVII вв. Тульского кремля: 1 – перстень; 2-5 – ремённый разделитель, пряжка, наконечник ремня и поясная накладка; 6-7 – нательные кресты.

Предметы вооружения с территории осадных дворов XVI-XVII вв. Тульского кремля: 1-2 – наконечники стрел; 3 – боевой нож; 4 – наконечник копья.

Бытовые и хозяйственные изделия с территории осадных дворов XVI-XVII вв. Тульского кремля: 1 – слесарный молоток; 2 – ключ; 3 – рыболовный крючок; 4 – кресало; 5-6 – кожаные ножи.

ва жилища, и для приготовления пищи. Все обнаруженные в кремле печи (около десятка разной степени сохранности) были глинобитными. Из кирпича выкладывался только под – та поверхность, по которой хозяйка в дальнейшем передвигала горшки. Как правило, печи всегда возводились на низком деревянном опечке. Наиболее характерным его вариантом был сруб из двух бревенчатых венцов или брусьев, рубленых «в лапу» (без выпуска концов). Реже использовался приём т.н. соединения «в заплот», когда брёвна опечка крепились в пазах, расположенных по углам вертикальных столбов. В этих двух случаях пол под опечком отсутствовал, а пространство внутри него заполнялось землёй или глиной. Существовал и третий приём. Он практиковался в тех постройках, где перед печью выкапывался небольшой погребок («голец»). В этом случае край печи, покоившейся на помосте из толстых плах, положенных поперёк досок пола, как бы нависал над ним, опираясь на мощные столбы. Судя по форме и размерам опечков, печи в кремлёвских постройках имели почти квадратную форму со стороной от 1,80 м до 2,10 м. При этом размер топочной камеры не превышал 1,40 x 0,80 м.

К сожалению, в силу объективных обстоятельств, весьма отрывочны наши сведения об интерьере жилищ. Так, в подземной части уже упомянутой двухэтажной постройки, вдоль её длинной северо-восточной стены (слева от печи) располагались нары, относящиеся к типу т.н. «неподвижной мебели». Они были вырезаны из материковой глины при сооружении котлована и затем облицованы деревом. В од-

ной из сгоревших «поземных» построек между стеной дома и печью на высоте 0,40 м сохранились остатки задвижного ларя – залавка длиной 1,70 м и шириной около 0,60 м. Внутри него нашли остатки мешка с зерном и три деревянные ложки. Бесспорно, в домах для хранения ценных вещей существовала и мебель типа сундуков. В пользу этого говорят находки небольших пружинных («сничных») навесных замков и ключей к ним. Украшением построек позднего этапа (XVII в.), конечно же, являлись изразцовые печи. Фрагменты изразцов в достаточном количестве были встречены в средней и верхней части культурного слоя. Наиболее ранние среди них – т.н. «красные», или терракотовые, рельефные изразцы с сюжетным и растительным орнаментом, датируемые самым началом XVII в. К первой половине – середине XVII в. относятся однотонные зелёные, «муравленные», глазурированные изразцы. Со второй половины того же столетия в обиход входят уже рельефные изразцы, покрытые цветными эмалями (полихромные).

Вполне понятно, что любое жилое помещение должно как-то освещаться. В дневное время этим целям служили окна. По крайней мере, часть жилых построек на осадных дворах имела т.н. «косячатые» окна [2. С. 333], в которые вставлялись оконницы – рамы, закрытые слюдой или стеклом. К этой мысли мы пришли после находок в культурном слое раскопа слюдяных пластин и фрагментов толстого полупрозрачного оконного стекла зеленоватого цвета. Необходимо отметить, что тогдашнее низкокачественное оконное стекло ещё не могло вытеснить из обихода слюдяных окончин, тем более,

что белая прозрачная слюда имела в Московском государстве в избытке и даже экспортировалась в Западную Европу [8. С. 237].

Для освещения наземных частей построек в тёмное время суток, а их подземных этажей – круглосуточно, использовались светцы для лучины и подсвечники. Образцы их, приспособленные для вбивания в стену, были найдены в ходе работ 1999-2000 гг. А на полу одной из построек была обнаружена и связка наколотых лучин. Ещё одним вариантом осветительного прибора являлись и масляные керамические светильники, также обнаруженные в кремле.

В процессе археологических исследований на месте колокольни Успенского собора удалось проследить и любопытные стороны духовной культуры наших предков, связанные со строительством жилищ. Это касается совершения обряда т.н. «строительной жертвы», которым сопровождалась закладка нового дома [1. С. 55-78]. Традиция эта чрезвычайно древняя, она носит универсальный характер и зарегистрирована, практически, у всех народов мира [10. С. 86-88]. Основная цель строительной жертвы – обезопасить дом и его обитателей от воздействия нечистой силы, сохранить жилище от разрушения, принести в дом богатство, достаток и счастье. Наиболее ранней её формой были человеческие жертвоприношения. Позднее, с принятием христианства, они были заменены на жертвоприношения животных и различных предметов. В кремле удалось дважды проследить совершение данного обряда. В обоих случаях его местом стало пространство в углу дома под печью. В подземном этаже двухэтажной постройки под опечек был положен крупный горшок и кости животных, в том числе 28 челюстей молодой свиньи (возможно, кабана). В другой, «поземной» постройке под опечек была помещена массивная железная крица. Любопытно, что рядом с этим домом находилась ремесленная мастерская кузнеца-металлурга. Вполне вероятно, что строительная жертва в данном случае должна была принести хозяину удачу и в производственной деятельности.

Наряду с жилыми постройками на территории осадных дворов находились и хозяйственные строения. Правда, информация об их наземных частях крайне скудна. По всей вероятности, от жилых построек они отличались лишь отсутствием печей и почти обязательным наличием погреба. Назначение таких постро-

ек улавливается с трудом. Лишь в одном случае можно достаточно уверенно, судя по бурому слою слежавшегося навоза, говорить о наличии хлева или конюшни, которая вплотную примыкала к жилой «поземной» постройке раннего этапа. К числу хозяйственных сооружений следует отнести и уже упомянутую металлообрабатывающую ремесленную мастерскую с остатками горна, множеством шлаков и фрагментами железных криц.

Каждый осадный двор в кремле строился по принципу «мой дом – моя крепость». Границы усадеб маркировали мощные бревенчатые ограды – частоколы. Их следами являются траншеи глубиной от 0,40 м до 0,70 м, в которых крепились и засыпались землёй основания брёвен диаметром 0,15-0,25м. Перед установкой такие брёвна в нижней части незначительно обжигались, что должно было уберечь их от гниения. Чёткие отпечатки комлей обожжённых брёвен, сохранивших естественную структуру дерева, удалось проследить на дне одной из траншей. По-видимому, обжиг производился на месте, непосредственно перед установкой элементов ограды в траншею, когда основания столбов ещё не успевали остыть.

В заключение коснёмся ещё одного момента. Отмеченные выше ограды-частоколы наиболее достоверно определяют границы постепенно ветшавших усадеб позднего периода (судя по находкам монет второй половины XVII в.), после которого их территория уже не подвергалась перестройке. В то же время, для этого периода (в уже упомянутой ранее Писцовой книге 1685 года) мы имеем чрезвычайно подробное описание всех кремлёвских дворов с указанием их владельцев, размеров усадеб по всем сторонам, ширины и протяжённости улиц и переулков, их направления и т.д. Анализ этого письменного источника позволил историку архитектуры В.В.Жилину в 1955 г. дать первую реконструкцию планировки Тульского кремля на 80-е годы XVII века [5. С. 28-31]. Совмещение письменного и археологического источников уже в первом приближении дало чрезвычайно любопытные результаты. Оказалось, что в пределы нашего раскопа большей своей частью попала усадьба Ивана Ивановича Хвощинского. С севера к ней вплотную примыкал двор Афанасия Ивановича Сомова. Оба они относились к категории «детей боярских». Осадные дворы их предков на этом участке кремля упоминаются и в Пис-

довой книге 1587-89 гг. С юга с усадьбой Хвошинских граничил двор стольника Кирилла Алексеевича Нарышкина, родственника царя Петра Алексеевича, а с запада – двор «боярина князя Ивана Андреевича Голицына».

Благодаря письменным источникам стала понятной и чрезвычайно мощная ограда-часокол (только в землю её брёвна были углублены более, чем на метр), угол которой попал в площадь северо-западной части раскопа. Как оказалось, на этом месте во второй половине

XVII в. находилась «тюрьма да сыскных дел застенки».

Конечно, в рамках короткой статьи довольно сложно осветить все стороны жизни обитателей осадных дворов кремля. Кроме того, продолжающийся анализ полученных в ходе работ материалов, комплексный подход к их оценке постоянно увеличивает объём наших знаний и представлений. Пусть эта статья станет лишь началом увлекательного разговора об археологии Тульского кремля.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ:

1. Байбурин А.К. Жилища в обрядах и представлениях восточных славян. – Л., 1983.
2. Громов Г.Г. Крестьянское жилище // Очерки русской культуры XVIII века. Ч. 1. – М., 1985.
3. Екимов Ю.Г. Отчёт археологической экспедиции Объединения «ТОИАЛМ» о раскопках Сорокина городища в г. Алексин Тульской области и на территории Тульского кремля в 1999 году // Архив ИА РАН (рук.).
4. Екимов Ю.Г. Отчёт о раскопках в Тульском кремле в 2000 году // Архив ИА РАН (рук.).
5. Жилин В.В. Из истории развития города Тулы и его укреплений. – М., 1955 // Фонды Объединения «ТОИАЛМ» (рук.).
6. Иосафовская летопись. – М., 1957.
7. Писцовые книги XVI века. Под ред. Н.В.Калачова. Отд. II // Писцовые книги Московского государства. – СПб., 1877.
8. Рабинович М.Г. Русское жилище в XIII – XVII вв. // Древнее жилище народов Восточной Европы. – М., 1985.
9. Раппопорт П.А. Древнерусское жилище (VI – XIII вв. н.э.) // Древнее жилище народов Восточной Европы. – М., 1985.
10. Тайлор Э.Б. Первобытная культура. – М., 1989.